

Я не хочу быть
простым человеком

Дневники, проза, письма

Москва, 2026

М
О
Д
Е
Р
Н
О
Е

альпина
ПРОЗА

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л158

Составитель ДЕНИС ИЗOTOB

Автор комментариев ДАНИИЛ ДУХОВСКОЙ

*Публикуется с сохранением особенностей авторской орфографии
и пунктуации.*

Лимонов Э.

Л158 Я не хочу быть простым человеком : [сборник] / Эдуард Лимонов. — М. : Альпина нон-фикшн, 2026. — 536 с.

ISBN 978-5-00223-757-9

Лимонов научил русскую прозу говорить о себе без стыда и без прикрас, но сделал это не сразу. За публичным мифом «Эдички» стоит другой человек: молодой поэт из провинции, который в Москве впервые столкнулся с городом, способным одновременно принять и отвергнуть. Эти дневники — редкий шанс увидеть Лимонова до окончательного самосоздания литературного образа.

Здесь нет выверенных сюжетов и литературных масок. Есть усталость, злость, влюблённость, голод, разговоры в кухнях и коридорах — быт, из которого позже вырастут его романы. Москва в записях предстаёт не фоном, а полигоном: местом, где складывались голос, жест, отношение к власти слова.

Для читателя, знакомого с поздним Лимоновым, книга откроет неожиданное: уязвимость там, где привыкли ждать вызов, и тишину там, где потом прозвучит крик.

УДК 821.161.1-94

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

ISBN 978-5-00223-757-9

© Эдуард Лимонов (наследники), 2026
© ООО «Альпина нон-фикшн», 2026

От составителя

Откуда взялся Лимонов? Его парадоксальная и при этом удивительно цельная личность — загадка, которая занимает читателей и исследователей уже много лет. Лимонов будто и сам изумлялся себе — книга за книгой он препарировал собственную жизнь. Ранняя проза, дневники, письма, собранные в этой книге, позволяют подступиться к разгадке вплотную: здесь Лимонов ещё только становится Лимоновым.

В опубликованных при жизни писателя книгах московский период намечен лишь пунктиром. Харьков, Нью-Йорк, Париж описаны подробно, а Москву он упоминает вскользь, в рассказах и публицистике, но отдельной книги о ней не было. Между тем здесь провинциальный поэт-авангардист превратился в бесстрашного хулигана литературы, сделавшего собственную биографию главным писательским материалом. Борьба с нищетой, погружение в столичную богему, страстный роман с Еленой Щаповой и, наконец, эмиграция — всё это уместилось в несколько стремительных московских лет.

Роман «Москва майская», изданный уже после смерти Лимонова, частично заполняет эту лауну. Однако действие книги заканчивается до поворотного момента — встречи автора с Еленой, женой успешного художника Виктора Щапова, в которую он без памяти влюбился. Именно разрыв с Еленой болезненно переживает главный герой романа «Это я — Эдичка». В день знакомства Елены и Эдуарда нас подхватывает книга, которую вы держите в руках.

Пора рассказать об истории текстов, которые в неё вошли. Покидая СССР, Лимонов взял с собой дневники за несколько лет, стихи, первые прозаические наброски. Часть

этих материалов — прежде всего дневники — он позже, переезжая из Нью-Йорка в Париж, передал молодому учёному из Техасского университета в Остине Илье Левину; другую часть — Вагричу и Ирине Бахчанян, друзьям ещё по харьковским временам, также эмигрировавшим в США. В черновике письма, написанного во время расставания с Щаповой, в феврале 1976 года, есть такие строки: *«Прошу тебя, как единственного друга. Для поэта самое дорогое — его рукописи. Сохрани эти два чемодана, что стоят в шкафу — (в одном из них ещё иконы) — сохрани до листочка — ты это понимаешь. Возьми эти чемоданы к себе — не доверяй их никому — никакому Баху или Ирине»*.

Несмотря на предостережение, при переезде в Париж Лимонов всё-таки доверил рукописи как раз Вагричу и Ирине, и благодаря им тексты дошли до нас. На полях письма другой рукой, простым карандашом сделана приписка: *«Именно они и сохранили! ИВ»* (ИВ — подпись Ирины Бахчанян.)

Архив Вагрича и Ирины Бахчанян был приобретён в 2013–2015 годах библиотекой Хесбурга Университета Нотр-Дам (Индиана, США). Машинописный дневник 1971 года, «Я не хочу быть простым человеком» и несколько писем, приведённых в настоящей книге, происходят из этого собрания.

Вторую часть своих бумаг Лимонов в 1980 году передал Илье Левину. Долгое время этот массив текстов ошибочно разыскивали как «архив Джона Боулта», поскольку так его обозначил в «Книге воды» сам Лимонов:

«Уезжая в 1980 году из Америки, я передал их в архив слависта Джона Боулта из Техасского университета в г. Остин. Впоследствии Джон Боулт передал эти километры рукописей со сквозной нумерацией (я помню, что была там и страница 1235 уж точно) ещё в какой-то университет. Так что они где-то есть, эти километры. Когда неприязнь ко мне как к председателю

Национал-большевистской партии * рассеется, эту тысячу с хвостом страниц начнут изучать».

Сам Джон Боулт не раз с недоумением отвечал на просьбы исследователей раскрыть судьбу «лимоновских километров» — никаких таких рукописей в его фондах не было. Путаница возникла, потому что рукописями писателя заинтересовался не Боулт, а Илья Левин, тогдашний его коллега, аспирант по кафедре сравнительного литературоведения. Именно он предложил писателю передать бумаги в 1979 году. Спустя три десятилетия, работая над «Книгой воды» в тюрьме, сам Лимонов случайно отправил исследователей по ложному следу, перепутав имя хранителя архива.

Недавно Илья Левин передал хранившееся у него собрание лимоновских бумаг в Архив русской культуры Амхерст-колледжа. В этом томе публикуется несколько писем и фотографий из данной коллекции, рассказ «Автопортрет без Елены», а также 79-я страница машинописного дневника, утерянная в копии Бахчаняна.

Теперь, когда мы проследили путь рукописей, пора обратиться к их содержанию.

Лимонов вёл дневники всю жизнь. Это многие тысячи страниц, что удивительно, если помнить, что помимо них он успел написать более семидесяти книг. Некоторые тетради уже обнаружены, другие ещё предстоит найти, и ни одна до сих пор не была опубликована. В настоящем сборнике читатель впервые увидит часть дневника — с 6 июня по 27 декабря 1971 года**. Почему эти месяцы? Дело в том, что Лимонов сам «подготовил» эти страницы для чужого взгляда — перепечатал

* Деятельность общественной организации в Российской Федерации запрещена. — *Прим. ред.*

** Машинопись заканчивается на середине 24 декабря. Последние три дня календарного года добавлены из рукописного дневника.

рукопись, кое-что вычеркнул, кое-что подправил и снабдил комментариями. Поначалу он даже пытался разбить материал на главы, но быстро отказался от этой идеи. О важности текста косвенно свидетельствует и то, что он сохранился в двух экземплярах: в Университете Нотр-Дам и в Амхерст-колледже.

Эти страницы повествуют о знакомстве с Еленой Щаповой, краеугольном событии в жизни Лимонова. К тому времени писатель уже более трёх лет живёт в Москве и прочно обосновался в столичной богеме. Зарабатывает он пошивом брюк на заказ и продажей самодельных поэтических сборников. Именно тогда он перестаёт быть, по собственному выражению, «боязливым неучастником, наблюдателем жизни» (альманах «Апполон-77»). Теперь сам писатель — объект и герой своей поэзии, стремящийся «отстоять свою отдельную странность и право на неё».

Где проходит граница между художественной автобиографией Лимонова и его подлинной биографией — вопрос, который не перестаёт волновать читателей и после смерти автора. Теперь у нас есть шанс увидеть события его жизни «в прямом эфире», а не через призму времени и художественного переосмысления. Этот Лимонов и очень узнаваем, и такого Лимонова мы видим впервые.

Если дневник фиксирует жизнь почти без фильтра, то следующий текст сборника показывает, как Лимонов начинает эту жизнь перекраивать. Незаконченный рассказ, названный нами «Автопортрет без Елены», — ранняя попытка автофикшна. Текст построен в форме дневника, но даты в нём даны абстрактно («31 весны»). Рассказ полон хронологических противоречий, из-за которых его сложно датировать: так, некоторые события указывают на 1968 год, а другие позволяют думать о 71-м. Вагрич Бахчанян выписан в рассказе под именем «Н-ов». Появляется и некая «Лена» — привлекательная соседка по коммуналке, но сложно сказать, наваян ли этот

образ Еленой Шаповой, или она ещё не появилась в жизни Лимонова на момент написания текста. В любом случае рассказ обрывается припиской *«Нет нет — так писать нельзя. Чрезмерно быстро. И нет стиля дневникового»*.

Но отброшенный метод не пропал. Третье произведение сборника — «Я не хочу быть простым человеком» (1972) — уже более зрелое и объёмное, балансирует между дневником и художественной прозой. Параллельно с работой над этим текстом Лимонов вёл и настоящий дневник, где 24 августа 1972 года, на странице 2229, отметил: *«Сегодня я спал мало. С 4х часов до пол-девятого писал на больших листах не то роман, но что-то такое. Проснулся. Дождь. Письма от масеньки нет. Зато дождь. Не жарко — хорошо. Грустно, грустно быть выдающимся в ермолке и с усами»*.

В этом «не то романе» нет второстепенных эпизодов: встреча с любимой после долгого расставания также важна для автора, как описание обеда. Всё подчинено одной цели — всепоглощающему самоанализу, в котором автор пытается найти ответ, почему он «герой, а все иные — нет».

Не найдя ответа, Лимонов резко заканчивает этот экспериментальный текст, в котором звучат идеи и интонации, позднее полностью раскрывшиеся в его зрелых произведениях.

Особняком в сборнике стоят письма к Елене Шаповой. Если первые произведения показывают зарождение их романа, то эта переписка переносит читателя на 10 лет вперёд. После тяжёлого разрыва 1976 года, переживание которого Лимонов описал в «Это я — Эдичка», отношения возобновились, и с 1979 по 1983 год Шапова и Лимонов снова были вместе. Большая часть переписки тех лет уже опубликована в книге Елены Шаповой «Письма любви»*, однако ряд писем

* Шапова де Карли Е. Эдуард Лимонов. Письма о любви. М.: Зебра Е, 2024.

туда не вошёл; именно они представлены в сборнике. Эти тексты служат своеобразным эпилогом к их отношениям, начало которых мы наблюдали в «Дневнике» и «Я не хочу быть простым человеком».

И здесь пора вернуться к вопросу, с которого мы начали. Откуда же взялся Лимонов?

Ответ он дал сам в «Я не хочу быть...»: *«Лимонов — создал Лимонова. Лимонов написал Лимонова».*

Он и был своим главным автором — человеком, который непрерывно записывал, моделировал и проживал себя одновременно. Значимым импульсом в этом процессе стала его любовь к Елене Щаповой. Подтверждение тому — запись в дневнике 30 августа 1972 года [стр. 2251]: *«А между прочим — я твоё произведение. Ты меня таким сделала. Вот бери меня пожалуйста и пользуйся теперь. Сама сделала. Вот и бери».* Стремясь соответствовать Елене — а точнее, созданному им же идеалу, — Лимонов всё настойчивее хотел «создать из себя тип человека и литературного героя».

Собранные в этой книге тексты позволяют увидеть, как в ранних дневниках и первой прозе кристаллизовалась личность, которой суждено было через несколько лет взорвать русскую литературу.

В конце книги читателя ждут комментарии Даниила Духовского — литературного секретаря и друга Лимонова. Подробный путеводитель по людям, местам и обстоятельствам, без которого многое в этих ранних текстах осталось бы непонятным.

Денис Изотов

Машинописный дневник
6 июня — 27 декабря 1971 года

Глава первая

6 июня/Был у Незвестного 4 часа работы, беседа. "Ты должен быть один."

ни с кем не кооперируйся. Кто говорит мы тот сука. Ты должен быть один.

зот я остался один. "Дождь. Зеленъ. Поиски мастерской. правые и левые все

а я не тот и не тот. Послал премьера на хуй." Мои книжки — Грузия-

Новосибирск, одна-братья Стругацкие. "Человек и машина"—куски из се-

рий Платон, Эмпедокл, Дантовский ад.

вечером поиски цветов: День рождения Кыры Сапгир. Гости: Брусиловские,

Лена Шапова, Шапов, некий Вальтер, Ирена, лариса, Холин, Квятковский, Алена

и Антонио, Цыферов, Саша Петров с женой. Медовые глаза Шаповой. Предложе-

ние в воскресенье на дачу читать стихи.

7-го Сапгир и Елена у нас. Бахчанян. Звонки от Штерна, где собрались

Грообман, жена Окуджавы, Бачурин, Кабаков. /22 июня—день рождения Елены—

"Козлика" Лены Козловой, жены Шапова, маленького богатого старичка.

Живу. жду встречи. с мужчиной? с женщиной, с некоей группой лиц? Но жду

подтяжки там, чулки, носки, и куда-то собираться, по времени и записывая короткие мысли. А осень, а холодно, и в расклевывает бодрость.

Вчера/9-го/ у Баха с женой. Пета Беленок. Разговор о том, мол Москва-провинция, вот Европа-там настоящая жизнь, там это-надо лечь в гроб или стать обывателем. Говорят-надо думать, что за глупость, здесь нужно работать, среди своих и эта дура Анна тоже поддерживала. Поехал к себе, лег спать. Кабакова, а я напротив-защитал. Говорили-он сам, мол при своем он свой стиль, уехал на месяц в деревню и выдумал? Да, но не надо или дойти до сознания необходимости выдумать свой стиль Кабаковым. То есть, когда он пришел к решению-надо-и выдумать Кабаков. Другое дело, большее или меньшее место он занимает.

На мне нужно написать "Ищу мецената!" Чтоб меня поняли толкую-ищу человека, у которого могу всегда лечь спать в любом городе. Вот что есть меценат в России 1971 года

Думаю и думаю о самоубийцах. Встают они предо мною. Все предо мною. Лотреамон, Тракль, Кляйст... притягательно.

Ах оставила бы в покое меня Лена. Сам я не могу этого. Леньность мешает, да и не спал я с нею, не сплю, а все остаток жизни-как же-не спал-и расстаться.

Фрагмент "Суд"

Прежде чем начать, придется признаться, что я ненавижу себя. Мне делать, я вынужден объясниться. Я просто не могу и не могу, я хочу оправдаться. Я хочу сказать, я хочу чтоб

В. Алейников
Д. Пименов
Норфолк 1969-

О. Тиховани (художник) Москва 1973

А. Рубинштейн Т. Волович Г. Сангир 1971 (?)
 День рождения Милонова Москва. У Крайних ворот

Э. Милонов Е. Батурина
 Москва февраль. март 1973
 мастерская Батурина

9. 11.

День рождения
Москва, Красн. ворота 1971

стые осенние небеса. И читать то, что нап
Вчера отвозил передавать на станцию од
очень темно—прямо страшно. Посидел у Дим
написал письмо, одел его оставленный пла
пешком—еле дождь. Смутно, темно, тепло .И
света. Вспоминал жену и грустил. И будто
же—не мог найти.

Итак—что же сделано за два года с авгу
когда написана мной поэма "Три длинные п
может быть их можно было и в один объед
но тематически они разнятся. В первом ещ
мои друзья,—противоборство и притяжение
я и они.

И вот теперь, через два почти года сраз
как я сейчас это называю. И может быть з
неважно строки стихотворные или нет. Не
мне важна моя жизнь, и я пронзительно от
сям оставить куски жизненные, живые,—жел
зии. Это не в том смысле, что я реалист у
ровать иным материалом, нежели раньше бы
оказались не бесполезными. Когда-то я с
"Трех песен"—казалось идти некуда, уж да
сь другое и то же, в ином только увиденн
зительность жизни—этого ни в одном стих
И по улице коротко иду, а слышу вижу жиз

102/и грустного. Я это воспринял хорошо. Приехал
на Гнездиловский переулок в 2 т. ночи. И
удивительно то никто не спросил меня куда
иду. Моисей у меня был такой какой-то вид?
Теперь я вымылся душею грею чай и хоту есть.
Но восходить мне не хотелось, я не могу немного
вздыхать. и мне пришло то я чувствую. когда бы сейчас.
Хорошо бы никто не звонил и не приходил. И я бы
умер с тоской. Хорошо бы если бы меня не было
Сегодня в 2 т. она приедет к Генрику в 2 часа дня
тобы он помогал ей с книжечкой. Мне это очень
не нравится - её деловитость. И вообще - зачем мне
она. Я по-новому не разгу даю не взял её за руку
опять вернувшись прошлым и те времена отсутствием
меня. попытка. И я не изменился совсем.
Иде-то на почте в глубине её ленивца деньги которые
мне прислала моя мама - моя грустная мама из
города Харькова. Сын её сидит в шортах за
большими (огромными) упрямо-денеж) стоном в чужой
холодной квартире на одном краю его -
обеденного стола - пьёт чай и пишет свои грустные
человеческие записки. О том как он взирает
на её худую ногу в полосатой штанине и воображает
себя в своей уютной кожаной куртке - кем же -
мама - он себя воображал - неопределённое что-то, мама -
но упорное воображение - мама.
Этим упорным воображением сын занимается всю
всю свою жизнь. Ещё когда он ходил через
кладбище по знакомой своей дороге каждая утро
среди знакомых могил то и тогда он воображал
и видел далёкое грядущее.
Теперь - скажи я себя - я занимаюсь собой только
в плане духовном. И этот воображаемый загляну
всего меня и только один

воображение осталось. Да-с.
мне хотелось сильным и сильным потеркам поведать
о своих злоключениях ~~и~~ разворачивающихся
лета 1971 года. Надо прожить его - это лето. К
осени что-то произойдет. Сместится. Наступят великие
и знатные перемены. ~~Великие перемены~~

Надо работать - говорит кто-то и работают. Для меня уже
нет интересных разговоров. О романе о Елене. Я все
еще закончу Тебя. Я напишу Тебя неужели своей
написи - роман о Елене. Прекрасная. Та на стенах
трон была очевидно такая же - капризная, здоровен-
ная с длиннейшими ногами, неизвестно для чего
нужными, с губ тронутым перламутром обмываем.
Тем-то простоватая, но и аристократка. Настоящий
аристократизм слегка проставит

Пойду тихо угасать в постели - позвонил он как-то.
Легкость. Знойность. Тисоты. афректации - у него было
это. Мальчик. летящий мальчик - который испортится и
не летает. Я опять заболел. Как давно не приходила
болезнь - ведь с 1964 года не приходила. Тогда, десетки.
нули. Слишком. Тесно.

Глаза мои, до того они маленькие. Пойду возьму зеркало.
Пойду лягу в постель. Пойду и лягу.

Ой! звонил она. Ну как ты добрался. Все же она
мне не забывает. Она мне позвонила. Буду говорить
Куртасе а потом поеду к Генриху. и я голосом,
каким-то голосом я говорил - я говорил-вет ~~и~~
будет куда-то во мне - звонки. Это я ей сказал
как настоящий мужчина 28 лет сказал я ей то
глубоким голосом и низким итальянским римским
голосом голосом от тех ватен где кровь смешивалась
с теплой водой - вот каким голосом я с ней
говорил. и прибавил - ну иди-куртасе.

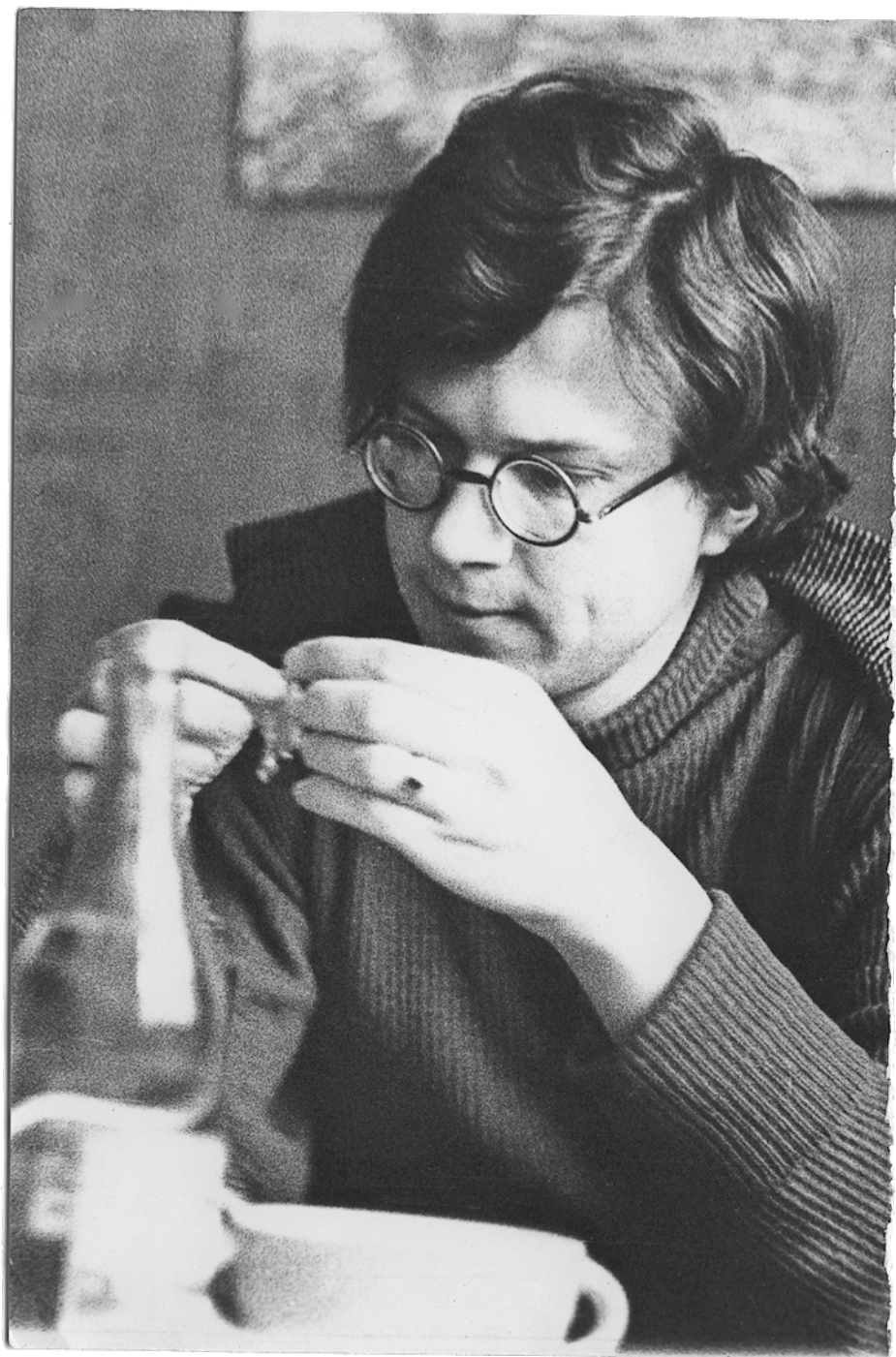

Э. Лимонов (у двери)
в углу А. Лозин (ружье)
и А. Зайцева

Москва, Уланский пер
1969

Изморинков. Перед этим у Гали Брусно
вской приехал мажоранский. Вот и проше-
ли. Уезжаям она сегодня - делят в
Низов. Я же в Гурзуф. Зорих уехал 26-го
в Сузак. Вера - же, взяв своего козленка
Саму, мы отправились я отправился к
Дяде Владимировке, Её провожали, я
сидел, приятный отец и верну, понял что
ничего во всем мире у меня нет. Нем,
мне стало страшно а я позвонил Дяде
мужиком. Но и здесь я понял что она
мне далека и совсем живые не нужна.
И тогда эта девочка Елена вдруг стала
мне так близка. Ведь я ей пишу завет-то
Пусть я приеду к её только, только
"самый любимый друг" как она подписала
письму, но я пишу ей, пишу из тоска-
вия, или еще из за чего - но пишу. Это
единственное мое собственное личное дело
Её с несбывшимися перерывами не будет
целое лето. Можем и хорошо. Мы встретимся
в сентябре - октябре м - она загорелая и э-
бедный и счастливый. И так - кончается
очередной том моего романа - который я
буду писать всю жизнь - единственного
моего душевного романа - моя жизнь
чувственной и неостойчивой, Елена, Елена
всегда ты была не так хороша, сегодня
Е. дружелюбна, но как хороша ты сейчас особенно.

Э. Милонов Москва 1971/2

6 июня

Был у Неизвестного 4 часа работы, беседа¹. «Ты должен быть один. Ни с кем не кооперируйся. Кто говорит мы тот сука. Ты должен быть один. Вот я остался один. «Дождь. Зелень. Поиски мастерской. Правые и левые все, а я не тот и не тот. Послал премьера на хуй». Мои книжки — Грузия — Новосибирск, одна — братья Стругацкие. «Человек и машина» — куски из серий Платон, Эмпедокл, Дантовский ад.

Вечером поиски цветов: День рождения Киры Сапгир. Гости: Брусиловские, Лена Щапова, Щапов, некий Вальтер, Ирена, Лариса, Холин, Квятковский, Алёна и Антонио, Цыферов, Саша Петров с женой. Медовые глаза Щаповой. Предложение в воскресенье на дачу читать стихи.

7 июня

Сапгир и Елена у нас. Бахчанян. Звонки от Штерна, где собрались Гробман, жена Окуджавы, Бачурин, Кабаков². /22 июня — день рождения Елены-«Козлика» Лены Козловой, жены Щапова, маленького богатого старичка.

Живу. Жду встречи, с мужчиной? с женщиной, с некоей группой лиц? Но жду. Дошёл до места жизни где можно ждать. И есть много надежд.

Купил жене модные очки за 15 руб. и отослал. Два письма от матери. Разорвал. Пишет одно и то же, раздражает.

Всю жизнь меня будет сопровождать восторг мазохизма. Человек-психопат человек сумасшедший — вот мой герой. Вот он одинокий в своём грубом тяжёлом народе, бедный интеллектual и неврастеник, герой сумасшедший, тонкий утончённый, благоухающий. Исключение. Элита. Вот он каков. Гонимый. Чтоб он мог сделать! Но...

Целая цепь приключений. Утро. Стакан вина. Яишница. Она оставила. Уходила с сумочкой на работу. Лежал и оставался. Иду куда глаза глядят. /А всего-то выпили вместе/ Холодно. Чужая куртка. В кармане 5 рублей. Русская вышитая рубашка³. Русский человек. Размышления. Иду не тороплюсь. Керамический завод. Почему? Она пошла сюда. А как я попал сюда? Ждать? Нет.

Иду назад. В двух шагах сзади об асфальт огромная черепица. Даже не пошевелился. Кто бросил, или ветер? Куда-то звоню в будке. Лениво. Вдруг из «Волги» зовут — Эдик! Подхожу. Сажусь он и жена. Он — кто? Вспоминаю — думаю. Алик Буданов /когда-то на одной из квартир — сын квартирной хозяйки/.

Оказывается — он Эдик — фотограф Сидура скульптора⁴. Разговариваем. Он отвозит жену и едет на работу. Дом культуры авио-чего-то. Фотолаборатория. Душно. Комнатки. Выводит меня из лабиринтов клуба. Запах туалетной. Списки избирателей. Вчера выборы. Он остаётся. Лысый улыбающийся в красной рубашке. Я ухожу. Иду, сворачиваю не там где надо, иду-иду. Возле Казанского вокзала. Меня окликают — вы меня не помните — женщина с дочкой. Вы у нас читали. Вот у нас один мальчик двенадцати лет пишет стихи. Я вам сейчас прочту. Читает. Что Вы скажите? Что-то о звёздах которые как русалки. И вообще-то не очень плохо. Что-то говорю. Об опасности испортить ребёнка литературой. Потом признаётся что это стихи её дочери. И дочь стоит рядом. Ветер. Прощаемся. Ухожу. Думаю какая чепуха эта жизнь. Вот куртка на мне — тоже чепуха. Волосы разлетаются — и это чепуха. По ул. Маши Порываевой. Ветер. Сломанный старый дом. Одинокая дверь на самом верху. В скверике десять пьяниц просравших свою жизнь. Пыль. По Садовому направо мимо Склифосовского.

Женщина спрашивает где тут стоматологическая поликлиника. Я думаю. И как я нелеп в этот момент. Стою. Мужчина говорит ей — «Да ладно, идём». Пивная палатка. Смотрю на свои туфли. Хочется купить иные новые. Захожу в обувной комиссионный. Вхожу. За углом «Бутербродная», пива там нет. Люди разливают водку. Иду дальше. В кинотеатре «Форум» гадкий фильм⁵. А то б выпил там и пива. Дальше иду. Иду. Лихов переулок. Захожу. К счастью Димы нет.

Без даты

То что я догадываюсь, что дела у них у всех липовые так это точно. Один я занимаюсь настоящим делом и веду настоящую жизнь. Всё иное — ложность и суета. Всё иное в моей стране кроме меня — глупость и издержки. Нет не стихов хочу я. Жизнь мне хочется запечатлеть.

Вчера звонит Генрих и приходит с красивой рыжей огромной 19-летней особой. Люда Романова. Очень эффектна. Рыжая грива рассыпанное мышление⁶. Едем к Лене Щаповой. /осторожно напросился/ Лены нет, должна скоро быть. Я много пью. Щапов уходит. Генрих пьянеет. Галя Брусиловская. Танцы. Лена. /Я опрокидываю целый стол хрустала всё вдребезги⁷/ Все уходят. Я Елена и Собака в сквере возле Ново-Девичьего монастыря /20 шагов от дома/. Вокруг лунной поляны с лаем пёс и мы кругами. Отвёл домой. Стоит муж. Мне она говорила что-то вроде того что давно желает познакомиться или же давно любит /фу какая чепуха/. Мне приятно. По дикой своей гордыне не отставая от Генриха купил 2 бут. вина, чем истратил последние деньги. Идти? Куда? Как? Ночь. Заполз в кусты. Лёг и проспал до 4-х часов. Утро. Монастырь. Пруд. Летают утки. Иду пешком до самого центра. Жду когда можно будет зайти к Саше в этот пресловутый писательский дом. Долго жду. Падая от усталости. Захожу. Он ещё не ушёл. Давлюсь рыбой и сплю жестоко.

Итак разберёмся же что такое происходит без опасения что нас кто-либо прочтёт. Это уже всё равно прочтёт не прочтёт. Мы попытаемся наговорить себе под диктовку что-то вроде исповеди, если она вообще возможна, исповеди, или по крайней мере моих понятий о моём теперяшнем положении.

Допустим я очнулся. Допустим я до сих пор спал в моём фанатизме, в моём упорстве спал. И что ж я вижу. Я в Москве, я поэт. Почему я поэт, почему я в Москве. Ах нет уж просто так дела обстоят. Я поэт. Я то о чём мечтал, о чём читал в книгах. Я из тех легенд, из тех зыбких юношеских сказаний о которых выдумывала моя голова. Хорошо.

Но что делать в комнатах господ! Что в комнатах делать, если к Вам приходит высокая 20-летняя красotka. Что делать с ней, если весь воплотился в жизнь эту скачущую, в себя какового сам создал, вырастил и вот он-я-он-моё произведение живёт улыбается — вот ведь как и смирно пьёт вино, говорит, чудовищные вещи говорит в присутствии этого создания, у которого вероятно есть страсти. Да что вероятно — есть. Конечно есть страсти желающие сесть мне на голову, мне, ему, тому. Ах я не хочу чтоб делила меня. Не с мужем делила. Что муж! Муж пусть, он имеется. И он да. А с теми. Сашами. Какими-то ещё, но очевидно они большие мужики. А что я, я переходная стадия, я тройное существо — мужчина-женщина-ребенок. Ребёнок в 28 лет! Вот до чего довели меня мои книги! А где мой половой орган? Что-то я его не чувствую. Ах да, его нет. Нет он есть. Но что он спит? Он спит, потому что книги читаю. И стыдно мне неумолимо стыдно. Хотя она и поэт и умница и продала себя богатому мужику. Но мне стыдно стыдно. Старому мужику продала. А мне стыдно и открывать его — орган

этот половой и не открывать стыдно. Что делать? Возиться с ней? Как возиться? Да нет я не то чтоб без страстей или без возможностей. И возможностей много и страстей. Нет! Я боюсь и не хочу делать это — то есть начало этого. Брать её за ноги. Снимать с неё этот последний клочок материи. Зачем такой человек как я и родился зачем. Брать её и вот так нести к ней свой этот половой стержень, который вдруг не захочет — ведь я же капризен, сомнителен, весь испуг — это обо мне — трепетная лань — сказано. Ведь я другого существа боюсь. А как я хочу очень. Но не конкретно её как обидно ей — ведь не её, а образ облик всеобщую женщину, не общие черты, а то что она всеобщая. И тут в мой разговор врывается пророчество. Неужели она будет долго жить. Как она выглядеть станет через время? Вдруг вокруг меня появилась масса красивых женщин. Красивых. Высоких. Сейчас одна звонила. И опекать опекать меня взялась? Уж не знаю — к Слуцкому желает вести /Легендарный — потому что с ним и Эрнст меня уже хотел познакомить — не познакомил и ещё другие⁸/. Ладно ведет-то пусть. Опекать будет но и другого опекала. С ним приходила в место где познакомились. У меня завидующие глаза. Я смотрю на всех. То же было в 20 лет. Разве изменился? Мужчины в моей книжке уступают место женщинам.

Итак продолжим — эта женщина которая мне помогает — молодая актриса. У неё, ах что у неё — она большая и красивая и чёрная голова.

20 ИЮНЯ

За вчерашний день истратил 25 рублей и ничего не ел. Все вино и такси. Позвонила откуда-то и говорит: Я тут сижу устала! Я говорю приезжай а то я лежу и выбираю крюк на котором можно повеситься /действительно выбирал — алкогольная депрессия и вообще пустота/. Устала

говорит — я говорю — давай я за тобой приеду. Встал, взял такси, еду. Она сидит на окне. Такси ждёт. Едем к Фариде. Там Генрих. Потом к Ольге Владимировне⁹. По дороге Елисеевский магазин. Ей надоело сидеть у О. В. — мы едем — везу её домой. У неё дома. Разговоры. Потом прогулка с собакой у монастыря. Назад. Мужа её нет. Сидим в кухне и пьём ликёры. Нерадостно. Неизвестно зачем это происходит. Просто я пуст совершенно и вот чтобы не было пустоты — чтоб кому-то служить, чтоб кого-то отвозить домой. И для этого выбран наиболее подходящий объект — молодая красивая. Вчера весь вечер смотрел на её лицо — оно по-моему простовато — прямо-таки девчонка с окраины и ещё на нём налёт хорошей жизни. Чем-то она наглая. Разговоры о Збарском — «Лёвка». Разговоры о Кваше — «Пашка»¹⁰ и тому подобное.

Вчера же Ольга Владимировна сказала что из меня из моей оболочки выглядывают глаза совсем другого человека — очень умного иронического и грустного. Я это воспринял хорошо. Приехал на Гнездниковский переулок в 2 часа ночи. И удивительно что никто не спросил меня куда я иду. Может у меня был такой какой-то вид? Теперь я вымылся сижу грею чай и хочу есть, но выходить мне не желается, я не могу никого видеть, и мне приятно что я чист. Хотя бы сейчас. Хорошо бы никто не звонил и не приходил. И я бы умер с голоду. Хорошо бы если б меня не было.

Сейчас два часа дня. Она приедет к Генриху в 2 ч., чтобы он помогал ей с книжкой. Мне это очень не нравится — её деловитость. И вообще — зачем мне она. Я по-моему не разу даже не взял её за руку. Опять вернулось прошлое и те времена обступили меня. Толпятся. И я не изменился совсем.

Где-то на почте, в глубине её лежат деньги которые мне прислала моя мама — моя грустная мама из города